

УДК 172.261.7

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНОГО ПРАКСИСА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В.Ю. Лебедев

Тверской государственной университет (г. Тверь)

А.М. Прилуцкий

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
(г. С.-Петербург)

Что найпаче от правды далеко бывает,
гласу народа мудрый муж то причитает.
Яко что-либо народ обыче хвалити,
То, конечно достойно есть хулимо быти.
И что мыслит – суетно, а что поведает,
то никоея правды в себя заключает.
Не веруй убо гласу общему народа,
ищи в деле правды человека рода.
Симеон Полоцкий

Рассматриваются специфические способы риторически организованного поведения в современной религиозной среде. Условия конкуренции либеральных, консервативных и традиционалистских вариантов религиозности в контексте отношений социальных институтов побуждают использовать возможности современной информационной культуры и информационных технологий.

Ключевые слова: *либерализм, информация, диффамация, аутодиффамация, антиповедение, СМИ.*

Религиозная культура, несмотря на более консервативный и стабильный характер, адаптируется к общекультурному контексту и его специфике, так что распространенные социокультурные явления вторгаются и в религиозное пространство, за исключением единичных предельно геттоизированных участков. Термин «диффамация» обозначает распространение порочащих сведений, связанных преимущественно с личной жизнью и (или) подозрением в коррупции. Диффамация использует обычно в качестве своей площадки СМИ, но это не обязательно: в широком смысле диффамацией является и целенаправленное распространение сплетен, которые даже не обязательно носят клеветнический характер; достаточно просто смены информационного канала с помещением сообщения в иной контекст. Диффамация прежде всего – действие социальное, и ее последствия проявляются в системной десоцио-

логизации тех, против кого она направлена. В результате диффамационных кампаний их жертва обычно полностью или в значительной степени утрачивает общественное доверие, её репутация оказывается погубленной, люди начинают сторониться её, буквально избегать её общества. В большинстве случаев диффамация применяется против общественных и политических деятелей, чиновников высшего и среднего звена, представителей аристократических элит, в странах с развитой или формирующейся клерикальной культурой – духовенства. В личностном отношении разные люди в разной степени устойчивы к диффамации, однако высокая значимость для человека социального положения автоматически делает его уязвимым и чувствительным. Представители бизнес-элит, творческих профессий, адвокаты, врачи и т. д. обычно не избираются в качестве объекта диффамации, поскольку для обеспечения их социальной востребованности достаточно, если репутация хорошего профессионала будет дополнена отсутствием оснований для уголовного преследования. Даже наоборот, порой такая инвертированная популярность некоторых вполне устраивает. Уже приемлемо, если их личная жизнь отвечает минимальным нормам и требованиям, поскольку в качестве эталона нравственности их никто не рассматривает априорно. Иными словами, архитектор, регулярно проигрывающий в казино значительные суммы, будет восприниматься общественным сознанием иначе, нежели одержимый подобной же страстью епископ; артист, вовлеченный в сексуальный скандал, скорее всего, сможет продолжить свою профессиональную деятельность, в отличие от дипломата, для карьеры которого подобное событие будет фатальным. Промежуточное положение занимают профессии (или, скажем так, жанры этих профессий), подразумевающие использование приемов и вообще семиотики театра. В этих сферах встречается намеренная и направленная самодиффамация.

В условиях антиклерикального общества диффамация выполняет задачи атеистической пропаганды (с этой целью поощряется принятие сана людьми, заведомо обладающими невыгодным реноме, дабы они стали ходячей антирелигиозной экспозицией), но ее эффективность снижается: во-первых, ограниченное количество духовенства не оставляет выбора, во-вторых, атмосфера таинственности вокруг сферы религии (переходящая в эзотеризм) в немалой мере нейтрализует эффект диффамаций.

В качестве инструмента политической борьбы диффамация использовалась уже в античности и тогда уже сформировались основные диффамационные стратегии.

1. Создание политически ангажированной литературы, в которой за формой художественного повествования отчетливо прослеживается не только современная написанию политическая ситуация, но и легко узнаются персонажи, которые носят «говорящие» имена, а иногда и

просто повторяют имена реально существовавших людей. В качестве примера можно рассматривать комедию Аристофана «Облака», которая в итоге сыграла не последнюю роль в осуждении Сократа.

2. Использование риторического жанра панегирика, в дискурсе которого для демонизации политических оппонентов употреблялись соответствующие эпитеты. Так, римские панегиристы, прославляя Константина, не жалели эпитетов для шельмования его политического противника Максенция, «среди которых особенно выделяют следующие... нечестие (*impietas, manus impiae, superstitiosa maleficia*); жестокость (*crudelitas, cruenta crudelitas*); похоть (*luxuries, libido, libido sturpis omnibus contaminata*); злоба и ярость (*importunitas, furor, truces oculi*); дерзость (*audacia*); коварство (*perfidia*); надменность (*superbia, arrogantia*); трусость (*turpissima... eius formido*)» [5].

3. Распространение слухов. Известно, что сикофанты – профессиональные доносители, паразитировавшие на системе древнегреческого правосудия, использовали слухи в качестве мощного инструмента диффамации – «агора была одним из любимых мест сикофантов, а одним из применявшихся ими средств был роспуск слухов, правдивых или ложных, среди группок, заходящих на площадь и в близлежащие лавки: в этом случае они многократно свои ограниченным числом людей» [2, с. 138].

4. Явное лжесвидетельство. Известна та легкость, с которой в античном мире начиналось уголовное преследование должностных лиц по заведомо ложному обвинению. В разгар Пелопонесской войны в результате явного подстрекательства и лжесвидетельства триерархов Феррамена и Фрасибула были приговорены к смерти стратеги, якобы не принявшие мер для спасения жертв кораблекрушений [2, с. 141].

Все перечисленные стратегии, будучи разработанными в античности, сохраняют свою актуальность и для диффаматоров современности.

В России проблема диффамации становится актуальной начиная с петровского времени, что объясняется, вероятно, тем, что глубинное недовольство начатыми по инициативе царя цивилизационными процессами проявлялось в виде стихийных попыток опорочить как сами преобразования, так и их активных проводников. В Артикуле воинском, принятом в 1715 г., диффамации посвящена глава 18 «О поносительных письмах, бранных и ругательных словах». Так, артикул 149 гласит: «Кто пасквили или ругательныя письма тайно сочинит, приѣдет и распространит, и тако кому непристойным образом какую страсть или зло причтет, через то его доброму имени некакой стыд причинен быть может, онаго надлежит наказать таким наказанием, какую страстью он обруганного хотел обвинить». Пасквили подлежали быть сожженными палачом под виселицей. Произнесший «поносные слова», «дабы тем... честное имя обругать и унижить», подлежал тюремному заключению

на полгода [4]. Видимо, активизация такого поведения обусловлена устойчивым социальным мифом о роли личности в тех случаях, которые на самом деле являются системными. Отсюда и стремления как к героизации, так и к дискредитации отдельной личности (хотя даже ее физическое уничтожение часто не решает проблем).

В настоящее время диффамация является наказуемым деянием в ряде европейских государств. Российское право термин «диффамация» не использует, поскольку в советское время было принято считать его восходящим к «буржуазным» правовым моделям, соответственно не могла и сложиться традиция его использования. Однако в рамках этой статьи нас интересуют не правовые оценки данного феномена, а его социофилософское значение, причем преимущественно в социорелигиозной сфере.

Интересен и такой вариант поведения, как аутодиффамация, к которой весьма близко антиповедение. Антиповедение несет элемент направленной аутодиффамации, когда подразумевают интерпретацию с извлечением именно таких смыслов, которые, будучи транслированы иными средствами, соответствовали бы модели типичной диффамации. Аутодиффамация может совершаться в виде целенаправленной организации утечки информации или направленного вброса, когда распространяются слухи о таких чертах поведения, которые признать непосредственно нежелательно, но которые, в свою очередь, оказываются престижными в определенных социальных кругах. Такова технология обретения социальной популярности. Аутодиффамация часто используется при стремлении обрести популярность в молодежных кругах. Например, можно увеличивать популярность поведением, отклоняющимся от академического стандарта, распространением слухов о равнодушии к спиртному, крайне неортодоксальных научных взглядах, пристрастии к рок-музыке и т. п. В некоторых случаях имеет место даже откровенная симуляция определенных типов поведения и фактическая ложь.

Антиповедение имеет место в том случае, когда реализуется тип поведения, не соответствующий ни той среде, которая для индивида является «своей», ни той, которая выступает как «чужая». Эффект непохожести при простом перенесении стандартов одной среды в другую вряд ли следует считать антиповедением, должна иметь место именно смена сценария в чуждой среде. Так, если рассматривать агиографический по сути сюжет о тайном постриге А.Ф. Лосева, то в академической среде он не появлялся, скажем, в монашеской одежде, но демонстрировал такие черты поведения, которые не являются типичными ни для монашества, ни для светского университета. Антиповедение может реализовывать аутодиффамационные замыслы (случай, когда А. Реформатский явился в общежитие к аспирантам в поношенном костюме и с бутылкой водки в кармане, что и соответствовало его намерениям продемонстрировать нигилистическое отношение к академиче-

скому официозу и многим его представителям; это же относится и к выбору им примеров во время лекций – вроде известного ряда «сортир-нужник»). В этих случаях аутодиффамация дает положительный социальный эффект, способствуя росту популярности и престижа.

Стратегия шутовства, трикстерства применима там, где деятельность включает в себя элементы театра. Поэтому она актуальна в среде политиков, преподавателей, но почти не имеет места в среде духовенства (ортодоксальному духовенству она чужда совершенно, если не рассматривать случаи юродства, но это уже область иного поведения, скорее сакрального и совершенно иначе мотивированного). Пожалуй, приемы грубой аутодиффамации часто встречаются среди неопротестантов-ривайвелистов и модернистов. Это все случаи демонстрации «прогрессивных» и либеральных установок, отсутствия почтения к авторитетам, необычных мнений и суждений.

Диффамация как тактика крайне удобна для СМИ по следующим причинам:

1. Рост не критичного доверия к СМИ.
2. Установка на примитивизм мышления и восприятия, не позволяющий задаться вопросом о достоверности услышанного.
3. Вытекающая из уже отмеченного принципиальная сервильности СМИ по отношению к общественному мнению и тайным желаниям массы, которые чаще всего бывают вполне деструктивны (здесь следует признать правоту тех, кто видит объяснение риторики СМИ в психоаналитическом подходе, в частности в реализации СМИ и массовым искусством вытесненных и табуированных деструктивных желаний).
4. Принципиальная неверифицируемость.

Диффамация как стратегия разрешения конфликтов в рамках религиозного дискурса имеет достаточно длительную предысторию. В принципе элементы диффамационных стратегий четко представлены в церковном анафематствовании, по крайней мере в том его виде, который сложился в рамках восточно-православной традиции и получил литургическую фиксацию в чиносложении Торжества Православия, когда вспоминались имена древних еретиков и новейших политических преступников (что роднит церковную диффамацию с соответствующими античными традициями), при этом не скупилась на уничижительные эпитеты. Так, в чинах православия, представленных в церковнославянских старопечатных триодях, находим такие эпитеты, явно направленные на диффамацию религиозных диссидентов, как

- 1) «безумный» – напр. «Петру Кнафу безумному и глаголящему... анафема!», «с иным Несторием безумным... анафема!»;
- 2) «злочестивый» – напр. «Валентину злочестивому...», «Диоскору злочестивому...»;

- 3) «нечестивый» – напр. «Евагрию и Дидиму нечестивым... анафема!»;
- 4) «злоименный» – напр. анафематствование Льва Исавра «сего злоименного злаго зверя»;
- 5) «окаянный» – напр. «Петрови окаянному еретику»;
- 6) «зломудрствующий» – напр. «Евтиху же и Савелию зломудрствующим анафема!»;
- 7) «богоотметный» – напр. «Несторию богоотметному... анафема!»

Иногда простое упоминание еретика из формулы *имя + уничтожительный эпитет* разрастается до формата сложной инвективы, например: «Первому злейшему иконоборцу, паче же христорборцу, зверю зловерному прельщенному от двух псов евреев, демонскому слуге, богопротивному ратнику Божия церкви, мучителю глаголя, а не царю, Льву Исаврянину... анафема!» [3].

Однако в случае с анафематизмами необходимо отметить одну существенную деталь: несмотря на то, что сам этот обряд прагматически выполнял именно диффамационную (равно как и своеобразную сакральную) функцию, но совершался он над осужденным церковным сознанием еретиком, совершался от имени всей Церкви после подробного рассмотрения и богословской оценки лжеучений, и в большинстве случаев – после многочисленных убеждений и увещаний лжеучителей, которые кроме всего прочего имели перед этим возможность и право на состязательную защиту своего учения и доброго имени.

О возможности восприятия церковной анафемы как своеобразного способа диффамации говорится в «Заключение специалиста по поводу явления анафемы (анафематствования) и его проявление в условиях современного светского общества», подготовленном доктором культурологии Е.И. Волковой, поскольку, по мнению упомянутого эксперта, «широко распространенные в современном массовом сознании религиозные предрассудки и суеверия могут вызвать серьезное предубеждение против такого человека, как проклятого Богом, одержимого темными силами и т. п. Это может привести к разрыву социальных связей, к профессиональной и социальной изоляции человека, оскорблениям и даже физическому насилию по отношению к нему». Е.И. Волкова считает, что анафематствование лиц, не принадлежащих к церкви, является по сути их диффамацией: «Если Церковь подвергла анафеме нецерковного неверующего человека за исполнение им своего профессионального и гражданского долга, то это, безусловно, акт клеветы (диффамации), поскольку анафематствование говорит о тяжелых грехах, совершенных человеком против учения Церкви. Если же человек не принадлежит к Церкви, то церковь анафематствованием предъявляет к нему необоснованные требования и наказывает за несовершенные проступки или преступления» [6].

С таким выводом сложно согласиться, прежде всего потому, что такие понятия, как «нецерковный» и «неверующий», по-разному трактуются и теологами, и светскими специалистами, более того, не будет большим преувеличением считать, что семантика данных слов лишена композиционной четкости. Если исходить из теологического понимания принадлежности к Церкви, то окажется, что утверждение «если же человек не принадлежит к Церкви, то Церковь анафематствованием предъявляет к нему необоснованные требования» вообще делает невозможным анафематствование по причине ереси, поскольку экклезиально еретик не может принадлежать к Церкви, но неизбежно в силу своей гетеродоксальности он оказывается вне ее. Этим объясняются сложности, с которыми столкнулась церковь уже в период патристики, когда вопрос о действительности таинств, совершенных в раскольнических структурах, обрел практическую значимость.

Возвращаясь к анализу текстов анафематизмов древним еретикам, следует отметить, что причины анафем исключительно находятся в вероучительной области. Анафематствуя еретика как лжеучителя, церковь не преследовала цели его личной компрометации как человека безнравственного, развратника или пьяницу. Представляется это не только нравственной безукоризненностью Ария, Нестория, Евтихия и под., которые в большинстве своем пользовались уважением за личный аскетизм. Лжеучение считалось большим и худшим грехом, нежели проявление морального несовершенства, а «сбор компромата» был, безусловно, методом, недостойным для решения вопросов церковной жизни.

В реалиях современной церковной жизни диффамация превратилась в действенный способ подавления внутрицерковной оппозиции, преимущественно той части клира, которая не скрывает своих консервативных и традиционалистских взглядов; стала инструментом агрессивного псевдохристианского либерализма в условиях современного информационного общества. При этом способ диффамации претерпел существенные трансформации, поскольку обвинения в ереси утратили актуальность и перестали в большинстве случаев рассматриваться как порочащие теолога и священника. Это относится и к более мягким обвинениям - в расколе. Причины этого явления следует искать прежде всего в состоянии современной церковной жизни, которая оказалась дезорганизованной секуляризационными процессами, развитием либерального богословия и не в последнюю очередь проникновением идеологем в религиозный дискурс, включая и идеологему плюрализма – идейного и структурно-организационного. Комический принцип «больше общин хороших и разных» вырастает из нормального именно для светского общества плюрализма институтов и социальных укладов. Влияние социальной парадигмы секулярной Европы на использование диффамационных стратегий заключается в том, что для реализации прагматической заданности диффамационных стратегий избираются

обвинения в таких деяниях и взглядах, которые априорно интерпретируются общественным сознанием как криминальные или же крайне предосудительные. Обвинение в ереси и в расколе к таким не относится: в онтологической и гносеологической парадигмах «христианского постмодерна» отсутствуют критерии для оценки ортодоксальности взглядов и учений, претендующих на статус религиозных. Экуменический дискурс, в крайнем своем проявлении фундированный агностицизмом, просто девальвирует и прагматически нейтрализует обвинение в ереси. Интересный эпизод, связанный с такого рода прагматической непоследовательностью, можно видеть на примере Братства св. Пия X. После его осуждения как пребывающего в расколе часто выражалось недоумение относительно того, что экуменический курс постсоборного Ватикана не должен рассматривать этот статус как что-то серьезное (как он и делает по отношению к массе иных конфессий). Чтобы выйти из противоречивой ситуации, в Ватикане разъяснили, что Братство пребывает в Церкви, а значит экуменические (интерконфессиональные по определению) стандарты на него не распространяются. Это заявление было встречено с радостью самим братством, поскольку имплицитно констатировало отсутствие раскола, несовместимого с пребыванием в Церкви. В любом случае общий экуменический фон снизил эффективность обвинений в расколе в адрес «лефевристов». Даже эксцессы более радикальных седевакантистов, приближающиеся к догматическим, пугающе не выглядят. В то время как в XIX в. оглашение богословского мнения о вакантности папского престола при живом и дееспособном папе вызвало бы невероятный скандал и дискредитацию в обществе, а заявивший такое епископ немедленно стал бы маргиналом. К тому же обвинение в расколе можно для нужд сознания обывателя проинтерпретировать как «непослушание», «склоку» и «скверный характер», что в соотнесении с обыденным порядком вещей все же понятно, а вот содержание богословски фундированных обвинений в ереси на фоне тотальной катехитической безграмотности будет просто фронтально непонятным, превратится в вербальные иероглифы. В свете изложенного становится понятным, что наибольшим эффектом обладают следующие диффамационные стратегии, имеющие внетеологический характер.

1. Обвинения в педофилии. Учитывая унаследованный современным обществом от предыдущих социальных систем отвращение к педофилии, равно как и криминальный характер данной девиации, обвинения в педофилии позволяют, даже в случае явной провокативности, серьезнейшим образом скомпрометировать обвиненных. Очевидно, что современные педофильские скандалы вокруг христианского духовенства различных конфессий, с прогнозируемой регулярностью будоражащие общественную жизнь европейских государств, представляют собой части запланированной широкомасштабной кампании, направленной на окончательную дехристианизацию Европы.

2. Обвинения в половой распущенности, зачастую сопряженные с подозрением в различных сексуальных девиациях. Данные обвинения в качестве диффамационного метода используются скорее в странах Восточной Европы, поскольку либеральный западноевропейский мир более толерантен к подобного рода прегрешениям духовных лиц. Эти обвинения скорее становятся поводом говорить о «лицемерии», но не более. О проблематичности юридического, психиатрического и научно-(а не обывательско-)психологического доказательства ряда таких «случаев» см. [1].

3. Обвинения в профашистских симпатиях. Данный метод используется для компрометации ряда традиционалистов. В его основе лежит концептуальная неуясненность понятий «консервативный» и «традиционалистский», отчасти объясняющаяся тем, что в политическом дискурсе нацистской Германии, который, по сути, не имел никакого отношения к христианскому и шире – политическому консерватизму, существовало стихийное тяготение к воспроизведению лексем, имеющих традиционалистские коннотации. Кроме того, этот диффамационный прием паразитирует на политологической неграмотности и соответственно неразличении разных политических укладов, равно как и на незнании подлинной истории церкви, в частности отношения к гитлеризму Пия XI и Пия XII, в то время как, например, израильские историки, исследующие события Холокоста, относятся к последнему со все возрастающим сочувствием.

4. Обвинения в принадлежности к масонству. Оказываются броскими ввиду: а). практической неverifiedируемости (подлинные и достоверные документы с именами обнаруживаются крайне редко, на журналистские расследования, как правило, можно просто не обращать внимания), б). ангажированности публики разного рода «масонскими тайнами». Интересны попытки (пусть и смехотворные) дискредитировать таким образом именно правых представителей католического (реже православного) духовенства, которые в силу приверженности известным церковным постановлениям, вводящим канонические запрещения, должны рассматривать масонство как непримиримого врага. Чаще всего диффамация такого рода содержит в себе на речевом уровне иллокутивное самоубийство. Поскольку «тайная принадлежность» потому и тайная, что достоверно доказать и даже просто правдоподобно обосновать ее наличие почти невозможно. Безусловно, в таких случаях апеллируют не к рациональности, а к вульгарному, эмоционально ангажированному мышлению, успешно формируемому СМИ.

5. Обвинения в небрежном совершении ритуалов (как по собственно небрежности, так и в силу неких либеральных теологических установок). Впрочем, эффективность такой диффамации на Западе постепенно снижается, поскольку практика совершения ритуалов модернистами и так все более приближается к «идеалу фекльдкурата Отто Каца»

и чувствительность масс народа к литургическим тонкостям и литургической культуре вообще снижается. Удивить небрежностью, даже реально имеющейся, на этом фоне становится труднее. Сюда же относятся обвинения в использовании подложных реликвий и фабрикация мнимых чудес.

6. Обвинения в скрытом атеизме. Обычно объединяются с любыми обвинениями, указанными выше, и практически почти никак не верифицируются.

7. Обвинения в принадлежности к люциферианским культам. Берет начало из эпохи романтизма, когда в произведениях романтиков духовные лица весьма часто становились участниками колдовских действий. Доказать так же трудно, как и принадлежность к масонству.

8. Обвинения в финансовых махинациях или морально сомнительной, хотя и юридически законной финансовой деятельности. Эксплуатируют наивно-потребительское отношение к Церкви как к полностью неземной институции, пребывающей вне экономических отношений и денежных затрат не требующей.

9. Обвинения в захвате имущества.

10. Обвинения в нарушении аскезы, особенно монашеской. Речь в таких случаях идет не о качественной стороне дела и не тяжких с точки зрения светской морали прегрешениях, а об утрате меры и нарушении прокламируемой сдержанности.

11. Обвинения в формализме, холодности в общении с людьми, высокомерии, недуховности и т. д. Подобные обвинения, базирующиеся априорно на субъективных оценках, обычно не используются в диффамационных компаниях в качестве основных. Их используют скорее как некий фон для раскрытия основных обвинений, но фон далеко не нейтральный: его задача состоит в формировании предвзято-негативного восприятия диффамируемого.

12. Близки к предыдущим обвинения в жестокости и/или агрессивности (выглядающие особенно смешно, когда это не подкреплено никакими фактами, помимо «строгого взгляда (тона)», «критической манеры общаться» и т. п.).

13. Обвинения в тайной принадлежности к другой конфессии стали распространенными в постреформационный период. Подразумевают фактическое отсутствие какой-то процедуры оправдания и опровержения.

14. Наконец, обвинения в тайном владении банковскими счетами, на которых лежат баснословные суммы, крайне дорогостоящими объектами недвижимости, из чего делается вывод о принадлежности диффамируемого к криминальным сообществам различного типа.

Диффамация во всех этих случаях подразумевает не только трудности верификации (некомпетентность тех, кто выносит оценку, принципиальную недоказуемость), равно как и негативное отношение к

духовным лицам немалой части общества (при позитивном отношении к «церкви как таковой»), но и эффект остаточной информации, который можно описать в терминах бартовской коннотативной семантики. Если жертва предпринимает попытки доказательства своей невиновности, то сам процесс этого превращается в дополнительное муссирование вброшенной информации с попутным ее наращением за счет новых подробностей, комментариев, подразумевающих пересказ всей предыстории и т. д. Кроме того, реализуется известный принцип: «У оправдывающегося всегда виноватое лицо». Все это и формирует соответствующий когнитивный образ. В предельно неблагоприятном случае диффамирующие сведения, являющиеся коннотатами, вытесняют денотативную семантику и становятся ядерными, что грозит превращением в персонафицированный скандал. Помимо этого, именно скандальные семантемы, будучи яркими и запоминающимися (в чем повинны уже причины антропологические), становятся опознавательными маркерами, когда, например, при предъявлении имени оно идентифицируется с личностью именно благодаря им.

Кроме того, единожды произведенный вброс информации порождает относительно длительную автономную ее циркуляцию.

В ряде случаев церковное начальство, не доверяя возведенным обвинениям, вынужденно идет на определенные меры по отношению к диффамированному, поскольку боится сопротивления общественного мнения, в частности получить ярлык «безразличных», «соучастников», «укрывателей», «сочувствующих» и т. п.

Если на начальном этапе истории инструментом реализации диффамационных стратегий были преимущественно пасквили, которые распространялись в печатном виде подобно прокламациям, то в наше время диффамационные стратегии реализуются преимущественно в СМИ и по каналам Интернета. Диффамация в СМИ требует длительной и дорогостоящей подготовки, которая включает в себя:

1. Необходимость заинтересовать (при отсутствии непосредственного интереса, который может быть, а может и отсутствовать) конкретное издание, которое, если оно не специализируется на раздувании скандалов, обычно дорожит своей репутацией и не стремится к публикации сомнительных материалов. Очевидно, что чем «солиднее» издательство, тем в большую сумму обойдется привлечение его к диффамационной компании;
2. Проработку вопросов юридической ответственности, поскольку диффамационный скандал достаточно часто становится предметом судебного разбирательства;
3. Подготовку непосредственных печатных материалов, для чего требуются услуги профессионального журналиста;
4. Обеспечение конфиденциальности всей подготовки диффамационной компании, что на практике существенно осложняется необходи-

мостью задействовать уже на подготовительном этапе широкий круг различных специалистов.

Диффамационная кампания, реализуемая в Интернете, оказывается существенно более простой, дешевой, но не менее действенной, поскольку позволяет использовать и интересах диффаматоров эффект виртуальной реальности и квазиавторства, позволяющих на некоторое время вводить в заблуждение потенциального потребителя информации, если подобное сообщение (а в Интернете это сделать существенно проще, нежели в печатном издании) приписывается безо всяких оснований уважаемому, авторитетному лицу, суждению которого принято доверять.

Муссирование диффамационной публикации посредством анонимных обсуждений тоже является важной частью диффамационных стратегий, поскольку позволяет:

1. создать видимость достоверности информации, для чего достаточно привести большое количество комментариев анонимного или псевдонимного характера (Маша, Петя, Вася, Карина, Света и под.), в которых убедительно заявляется полная достоверность диффамации;
2. создать видимость сформированного общественного мнения, осудившего диффамируемого и лишившего его своего доверия;
3. начать упреждающую диффамацию лиц, от которых можно ожидать наиболее убедительного и адекватного разоблачения реализуемой диффамационной стратегии;
4. избежать ответственности за клевету (как нравственной, так за частую и юридической), пользуясь анонимными и псевдонимными форматами.

Для осуществления диффамационной программы используются всегда существующие группы недовольных, инакомыслящие, агрессивные либералы (например, либерал, разозленный «унизительным» предложением священника не совершать рукопожатия (что полностью укладывается в нормы традиционного церковного этикета) с радостью поддерживает объявившегося диффаматора, предъявляющего обвинения, перечисленные нами выше). Равным образом активно используют кверулянтов, психопатов (в том числе с аномальным сексуальным поведением), в частности, женщин, фиксированных на сексуальных переживаниях, мифоманов, сутяжников, личностей с комплексом жертвы, всякого рода инфантильных и легковерно-внушаемых личностей. Их легко убедить в чем угодно, равно как и убедить выступить подписантами и лжесвидетелями даже в случае им самим очевидной клеветы. Светской судебной практике такие случаи прекрасно известны, классическому церковному правосудию, впрочем, тоже (например, когда девушка клеветнически заявляет о якобы имевшем место изнасиловании, а ее инфантильные подруги, не желая входить с ней в противоречие, выступают в качестве лжесвидетелей, не чувствуя – из-за психопатического ин-

фантилизма – даже вины). Равным образом возможен и подкуп в качестве лжесвидетелей бомжей и разного рода иных маргинальных элементов, заинтересованных материально и полностью разложившихся нравственно [1]. Нередок и механизм, известный психологам как проекция. Личность, культивировавшая непристойные мысли относительно священника (или даже пытавшаяся делать непристойные намеки) и ничего не добившаяся, приписывает ему все то, в чем виновна сама. Таким же образом казнокрад может обвинять кого-либо в расхищении церковного имущества. В молодежных кругах распространены не только сплетничество (стихийная диффамация), но и всякого рода бросание обвинениями. Соответственно привлечение в приходы нецерковной молодежи не только приводит к их превращению в площадку для «неформального общения» по привычным правилам, но и в поле для привычных коммуникативных игр, скандального поведения с выплесками инфантильной агрессивности и иных типичных возрастных черт поведения. Либерально ориентированное духовенство расплачивается таким образом за «пополнение рядов верующих» и возможность заявить об успешной катехизации (миссии и т. п.).

Приемом диффамационной риторики является использование списков (объединяться могут имена, обвинения и т. д.). Достаточно включения в такой список небольшого количества подлинных фактов (или имен, в отношении которых некие негативные факты достоверно имеют место), чтобы достоверность всего списка выросла. Не обязательно он должен целиком восприниматься как совершенно достоверный, того, что сообщенное «приняли к сведению» уже бывает достаточно, чтобы диффаматоры констатировали достижение цели.

Очевидно, что диффамация становится мощным инструментом не только расправы с идейными противниками, но и способом дискредитации отстаиваемых ими идей. Используемые агрессивными либералами, современные диффамационные стратегии направлены как на устранение из церковных структур преимущественно (как показывает контент-анализ) традиционалистов, так и на такую деформацию исторических церковных институтов, которая сделала бы невозможным сам факт появления в них на ключевых постах тех представителей духовенства, которые придерживаются традиционных взглядов на мораль и теологию.

Список литературы

1. Буянов М.И. Пол. М., 2004.
2. Куле К. СМИ в Древней Греции. М., 2004.
3. Никольский К. Анафематствование (отлучение от церкви, совершаемое в первую неделю Великого поста). М., 1879.

4. Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. М., 1986. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма.
5. Шабага И.Ю. Риторические приемы диффамации политического противника (на материале сборника XII Panegyrici Latini). Электронный ресурс: http://history.machaon.ru/all/number_12/analiti4/index.html
6. Режим доступа: <http://www.sclj.ru/news/detail.php?ID=2743>

SOCIAL AND RELIGIOUS PRAXIS IN INFORMATION SOCIETY

V.Yu. Lebedev

Tver State University

A.M. Priloutsky

St.-Petersburg State Pedagogical University named after A. Herzen

The paper examines specific modes of rhetorically organized behavior in contemporary religious environment. The ongoing competition of liberal, conservative and traditionalist types of religiosity in the context of relations between social institutions brings about the use of modern information culture and information technologies.

Key words: *liberalism, information, defamation, auto-defamation, anti-behavior, media*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии Тверского государственного университета;

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры религиоведения Российского государственного педагогического университет им. А.И. Герцена. E-mail: Semion.religare@yandex.ru